ПО ВЕЛИКОМУ ШЕЛКОВОМУ ПУТИ. СОГД

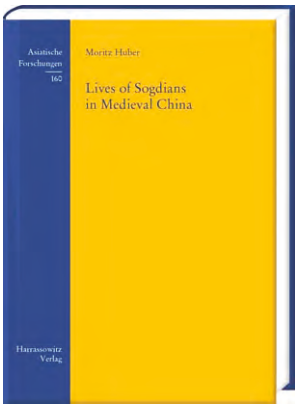
doi 10.47267/2181-8207/2021/4-090

Шамсиддин Камолиддин,
доктор исторических наук, профессор

Annatation: The monograph “Life of the Sogdians in Medieval China” by the German orientalist Moritz Huber consists of an introduction, 3 chapters, a conclusion and references. The introduction provides brief information about the Sogdians, their activities on the routes of the Silk Road and in China, the history of the study of the issue under study is considered. The first chapter contains information about the Sogdians and Sogd, which are cited in Chinese sources from Shiji to Xing Tangshu. The second chapter contains information about the burials and epitaphs of the Sogdians in the eastern provinces of China, and the settlements of the Sogdians located along the Silk Road in western China. The third chapter provides a critical analysis of the political organization and legislative power, people and customs among the Sogdians in China. In the conclusion, the main findings of the study and the author's ideas are presented.

Ключевые слова: Мориц, Хубер, Шелковый путь, истории религия, китайскоге искусство, согдийцы, Сиванджин, дипломатия, торговля, земледелие, Семиречье, Суйаб и Тараз

»Lives of Sogdians in Medieval China» - «Житие согдийцев в средневековом Китае». Эта книга немецкого ученого Морица Хубера, изданная в 2020 году, является одним из значительных исследований по истории Великого Шелкового пути за последнее время. Безусловно, это монографический труд. В предисловии автор пишет, что после получения высшего образования в Китае и посещения курсов по истории Шелкового пути, истории религий, китайского искусства и археологии он решил заняться изучением биографий согдийцев, обосновавшихся в Китае. Впоследствии все его исследования составили основу диссертационной работы.

Мориц Хубер практически дотошно старался изучить историю и культуру согдийцев в Китае. В монографии впервые исследуется весь комплекс имеющихся сведений китайских источников и эпиграфических памятников с привлечением данных археологических исследований.

Во вступительной части автор приводит краткую информацию о согдийцах, их деятельности на трассах Шелкового пути и, в частности, в Китае. Первая глава содержит сведения о согдийцах и Согде, которые приводятся в китайских источниках от «Шицзи» до «СинТаншу». Здесь можно встретить удивительные транскрипции знакомых всем нам городов: Сиванджин (Самарканд), Нюми (Бухара), Полона (Фергана), Суте (Согд), Сежисян (Иштихан), Хусими (Хорезм), Жеше (Чач), Канг (Самарканд).

А по данным «Суйшу» можно узнать о государствах Ань (Бухара), Би (Пайканд), Ши (Чач), Ши (Кеш), Цао (Иштихан) и Хэ (Кушанийя). По «Да Танг Сю Жи» и другим буддийским текстам открываем для себя государства Жеши (Чач), Фейхан (Фергана), Судулисена (Сутрушана/Уструшана), Самоджиан (Самарканд), Кушуангнийя (Кушанийя), Бухэ (Бухара), Хуолисимийя (Хорезм) и Джиешуангна (Кеш). По источнику «Син Тангшу» - Хуосун (Хорезм), Дами (Термез)…

Во второй главе рассказывается о поселениях согдийцев вдоль Шелкового пути в Западном Китае, приводятся сведения об эпитафиях согдийцев, подробно рассматриваются их биографии, различные династии Китая, приводится история об известном генерале тюрко-согдийского происхождения Ань Люшане, возглавившем одно из крупнейших

восстаний в истории Китая. В другом из разделов читаем сведения «Жоушу» о владении Суте (Согд) и согдийце Ань Нуопантуо, отправленном к тюркам в качестве посла от китайского императора.

Особый интерес представляет третья глава «Synthesis» (Синтез), в которой автор на основе данных сохранившихся эпитафий изучает социальный состав согдийцев в Китае, род их занятий, культуру и обычаи, анализирует политическую систему Китая того времени, рассказывает о молодежи, о таких сферах, как образование, музыка, военное дело, дипломатия, торговля, земледелие, семья, об отдельных ритуалах...

Вместе с тем в книге имеются некоторые моменты, которые нуждаются в уточнении и комментарии. Так, говоря о Согде и согдийцах, следует учитывать, что у китайцев не было специального термина для обозначения «согдийцев» в качестве этнонима. В китайских источниках древнего и раннесредневекового времени термин Согд употреблен только в качестве топонима в разных транскрипциях – Суйи (Su-yi 粟弋), Сутэ (Su-te 粟特) и Сули (Su-li 窣利) в качестве названия государства, а для обозначения согдийцев употребляются термины сутэ-рэн или сутэ-жэнь (粟特人), сутэ-жюймин (粟特居民) и сутэ-ху (粟特胡), означающие «люди Согда», «жители Согда» [Ходжаев 2016: 181-190]. Китайский путешественник Сюань Цзан (нач. VII в.) пишет: «Сули 窣利, так же называют и жителей. Письменность и язык имеют такое же название» [Сюань-цзан: 40]. Другими словами термин Сули (Суйи, Сутэ) служил для обозначения всех выходцев из Согда независимо от их этнической принадлежности.

В VII веке китайцы под названием Сули 窣利(Согд) подразумевали более обширную территорию, чем собственно Согд. По данным Сюань Цзана, страна Сули простиралась от города Сушэ (или Сушэшуй) до страны Цзешуанны, т. е. от Иссык-Куля до Шахрисабза [Сюань-цзан: 40, 350, прим. 40]. Это указывает на то, что на севере «страна Сули» включала также Семиречье и бассейн среднего течения Сырдарьи. На этих землях, населенных тюрками, также были согдийские поселения, а в городах Баласагун, Испиджаб, Сарыг, Суйаб и Тараз они составляли половину городского населения.

Сведения письменных источников свидетельствуют о том, что среди древних тюрков Средней Азии, также, как среди согдийцев и хорезмийцев, в древности и эпоху раннего

средневековья были распространены различные формы огнепоклонничества, в том числе местного маздеизма [Тугушева 1991: 6; ал-Исфахани IX: 21]. Эти сведения подтверждаются данными археологических, антропологических и топонимических исследований [Литвинский 1976: 57; Неразик, Раппопорт 1959: 128-142; Пугаченкова 1949: 57 – 77; Козенкова 1961: 250-260]. Согдийский язык был государственным языком Первого Тюркского каганата [Кляшторный, Лившиц 1971: 121-146; Кызласов 2004: 5-8], да и впоследствии в переговорах согдийский использовался тюрками наряду с древнетюркским [Гумилев 1967: 44-45; Кляшторный 1973: 19-22], причем не только в Средней Азии, но и в Восточном Туркестане. Согдийский язык наряду с тюркским был также официальным языком Уйгурского каганата (745-840 гг.) [Кызласов 2004: 8-9], и был в употреблении среди отдельных групп тюрков вплоть до XI века [Джумагулов, 1982: 25-31]. Единство вероисповедания обусловливало этнокультурное сближение оседлых тюрков Средней Азии с согдийцами, хорезмийцами и бактрийцами.

В эпоху раннего средневековья в Согде протекал активный процесс тюрко-согдийского этнокультурного симбиоза, который сопровождался – с одной стороны – взаимными миграциями: тюрков на юг, а согдийцев и хорезмийцев – на север, северо-восток и северо-запад, а с другой стороны – смешанными браками не только на уровне высшей знати, но и в среде простого народа. К концу VII-нач.

Особый интерес представляет третья глава «Synthesis» (Синтез), в которой автор на основе данных сохранившихся эпитафий изучает социальный состав согдийцев в Китае

Говоря о Согде и согдийцах, следует учитывать, что у китайцев не было специального термина для обозначения «согдийцев» в качестве этнонима. В китайских источниках древнего и раннесредневекового времени термин Согд употреблен только в качестве топонима в разных транскрипциях

В китайской историографии VII века согдийцы рассматривались как одно из племен Тюркского каганата

VIII вв. согдийцы были настолько (добровольно) тюркизированы, что по своей внешности не отличались от оседлых и городских тюрков Средней Азии, и представляли с ними единое этнокультурное целое [Krippes, 1991: 67-80; Lee, Kuang, 2017: 228]. Поэтому в китайской историографии VII века согдийцы рассматривались как одно из племен Тюркского каганата [Кызласов 2004: 8]. По данным армянских источников, «согды, тохары, эфталиты и другие народы Туркестана считались тюркскими родами» [Тер-Мкртичян, 1985: 75]. В китайских рукописях середины VIII века из согдийской колонии в Дуньхуане наряду с согдийскими именами упоминаются тюркские имена и титулы различных выходцев из Средней Азии, такие как Irkin (Кан И-цзинь), Tudun (Хэ Ту-дунь), Tegin (Ло Тэ-цзин), Bayatur (Хэ Мо-цзя-до), Tarxan (Ань Да-хань), Özmiš (Ань У-сы-ми) и другие, что говорит о том, что их носители еще до переселения из Средней Азии были сильно тюркизированы [Чугуевский, 1971: 153].

В китайских рукописях середины VIII века из согдийской колонии в Дуньхуане наряду с согдийскими именами упоминаются тюркские имена и титулы различных выходцев из Средней Азии... Таким образом, значительную часть так называемых «согдийцев» в Китае составляли тюрки

Таким образом, значительную часть так называемых «согдийцев» в Китае составляли тюрки. Автор и сам приводит сведения об одном наиболее известном из таких переселенцев – Ань Люшане (AnLushan安禄山) [Huber, 2020: 297-298], который был из числа потомков, выходцев из Самарканда, привлеченных танским двором на военную службу, его год рождения неизвестен, умер в 757 году. Он имел тюркское происхождение. Его предки были выходцами из Самарканда. Его мать была из рода Ашидэ (Ashide阿史德). После смерти отца мать вышла замуж за тюрка из среднего сословия по имени Ань Янъянь, поэтому он принял фамилию Ань (An安), которую в Китае традиционно присваивали выходцам из Бухары. Помимо того, что Ань Лушань владел девятью языками, он был еще и смелым и умелым воином. Правитель династии Тан Сюань-цзун (712-756), в полной мере использовавший его способности, несколько раз назначал Ань Лушаня правителем (цзедуши) различных провинций. В войне против каракитаев (киданей) ему было доверено возглавить армию численностью в 150 тысяч человек, которая одержала победу. Зимой 755 года он поднял восстание против политики правительства. После подавления восстания был казнен [Ходжаев, 2020: 19-34].

Еще один из согдийских переселенцев, упомянутых в книге М.Хубера, Ши Хедан (Shi Hedan耽詞耽) был высокопоставленный сановник при дворе императора [Huber, 2020: 139-145]. Согласно надписи на его надгробной эпитафии, в 626 г. былбыл назначен управляющим конными пастбищами и тем самым положил начало развитию коневодства в империи Тан. Ши Хедан был опытным коневодом, хорошо разбирался в их породах и тонкостях их разведения. В его доме было 1000 лошадей. Вначале ему было передано около трех тысяч кобыл и жеребцов, полученных у тюрков. За 40 лет его службы число лошадей достигло 700 тысяч. Ему подчинялись восемь надзирателей и 48 управляющим конными пастбищами. Умер он в 669 году в возрасте 86 лет [Ли Цзиньсю, 2019:5-36].

В китайской, да и в мировой историографии считается, что Ши Хедан был согдийцем. Однако это противоречит историческим данным о согдийцах и их культуре. Известный знаток согдийской культуры Б.И.Маршак и его коллега писали: «Бедность иранской терминологии, связанной с лошадью, говорит о том, что оседлые ираноязычные народы никогда не занимались коневодством, получая лошадей и ослов у своих соседей, тюркоязычных скотоводческих племен [Маршак, Распопова, 1989: 418]. Хотя известно, что в древности культ коня и коневодство были развиты у индоевропейских, в частности, индоарийских народов [Кузьмина, 1977: 28-52; Трубачев, 1993: 12- 27]. Однако мнение Б.И.Маршака и его коллеги правомерно относительно эпохи раннего средневековья и согдийцев, культуру которых они знали хорошо. В эпоху раннего средневековья согдийцы, как в Средней Азии, так и за ее пределами, занимались торговлей, а также земледелием

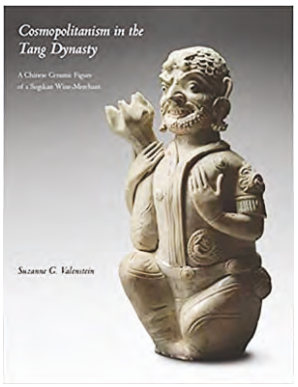
и ремесленным производством. Согдийская терминология, связанная с коневодством, действительно, очень бедная. Кроме общеиранского названия лошади 'sp/sp [Gharib, 1995: 62 (#1590), 358 (#8873)], в дошедших до нас согдийских источниках встречается еще несколько терминов, связанных с использованием лошади в хозяйстве, земледелии и в качестве транспорта, но нет ни одного термина, связанного с коневодством, например, табун, породы и масти лошадей, их возрастные названия, болезни и т.д. Между тем в этих же источниках содержится богатая терминология в области торговли, земледелия, садоводства и ремесленного производства. В китайских источниках о согдийцах отмечается, что когда мальчику исполнялось 5 лет, его начинали учить грамоте, а когда он начинал читать, его заставляли учиться торговому делу [Бартольд, 1963а: 190]. Сюань Цзан пишет, что «в стране Сули (Согд) половину населения составляли земледельцы и половину торговцы» [Сюань-цзан: 40]. В письменных источниках нет ни одного сообщения, в котором бы говорилось о том, что согдийцы были искусны в коневодстве и когда-либо занимались разведением лошадей.

Между тем в I тысячелетии до н.э. коневодство было одним из основных отраслей хозяйства тюркских народов. Конница составляла основу военной силы древних хуннов и поэтому основным их богатством были лошади [Нестеров, 1990: 39, 103]. Лошадь всегда занимала главное место в хозяйстве тюркских племен и народов. В эпоху раннего средневековья в Средней Азии пастбищным, т. е. профессиональным коневодством и вообще скотоводством занимались не согдийцы, а кочевые и полукочевые тюркские племена. Лошади составляли основной предмет экспорта почти всех тюркских племен. В китайских источниках перечисляются названия более 40 тюркских племен, которые поставляли лошадей различных пород в качестве даров китайскому Двору [Зуев, 1960: 93-140]. Тюрки были главными поставщиками лошадей в Китай [Шеффер, 1981: 93], и каждый год пригоняли сюда как минимум 3 – 4 тыс. [Хужаев, 2002: 114], а в 627 году западные тюрки поставили сразу 6 тысяч лошадей [Шеффер, 1981: 87, 578]. Происхождение многих кипчакских этнонимов связано с названиями пород и мастей лошадей, что позволяет предполагать, что кипчаки в древности считали коня «священным животным» (тотемом) и поклонялись ему [Ахунов, 1987: 90-91]. Традиции коневодства сохранялись у тюрков и в последующие века, вплоть до нашего времени.

Исходя из этих данных, можно считать, что «согдиец» Ши Хедан, основавший в VII веке надзор за конным пастбищем в Китае, на самом деле был тюрком, происходившим из владения Кеш (Шахрисабз) в Согде [Камолиддин, 2019: 76-90]. Все эти данные указывают на то, что среди переселенцев из Согда, обосновавшихся в Китае, было много тюрков.

В аннотации к своей книге автор пишет, что следы присутствия согдийцев были найдены на всей территории от Византии до сердца Китая. Действительно, жители Согда были очень искусны в торговле и играли важную роль в международных торгово-экономических и культурных связях. Однако на основе сведений китайских письменных источников можно говорить о роли жителей Согда только на восточном участке Великого шелкового пути. Их деятельность по другим направлениям караванных дорог в этих источниках не обозначена [Ходжаев, 2020: 19-20]. В эпоху Тюркского каганата зафиксированы два посольства, Ирана и Византии, которые возглавлялись согдийцами. Но в этих случаях они всего лишь выполняли поручение кагана и представляли интересы каганата, никаких поселений согдийцев в этих странах не было. В Китае же согдийцы вели торгово-экономическую деятельность самостоятельно, там были постоянные поселения согдийцев, которые впоследствии стали частью китайского общества. Многие из них служили в местных административных и государственных органах, а некоторые занимали высокие посты при дворе императора.

Далее автор пишет, что согдийский язык выполнял роль linguafranca для Шелкового пути в течение нескольких сотен лет. Такое мнение является общепринятым в западной историографии. Считается, что в развитии караванной торговли на Великом шелковом пути особая роль отводилась по преимуществу согдийцам [СГСА 1973: 108-109]. Однако не следует забывать, что в VI-VIII веках согдийцы вели свою торговую деятельность под прикрытием и защитой тюрков. Согдийцы были далеко не единственными участниками торгово-экономических и культурных связей между Западом и Востоком. Первооткрывателями самого древнего северного торгового пути (цаоюаньлу– «степные пути»), проходящего через степные районы Евразии, были кочевые сакские племена, часть которых бы-

В источниках содержится богатая терминология в области торговли, земледелия, садоводства и ремесленного производства

В аннотации к своей книге автор пишет, что следы присутствия согдийцев были найдены на всей территории от Византии до сердца Китая

ла тюркоязычной [Ходжаев, 2020: 19]. Этот Степной Шелковый путь, функционировавший в IV веке до н.э., следовал из Китая через внутреннюю Монголию и степи к северу от Тянь-Шаня в Центральную и Западную Азию. Другой, более северный путь, пересекавший весь Евразийский континент, был полностью в руках хуннов [Wang 1993: 227]. В эпоху раннего средневековья активными участниками торгово-экономических связей между Востоком и Западом были тюрки и уйгуры, которые вели интенсивную торговлю с китайцами. Основными предметами их торговли были скот, лошади, металлы и рабы, а взамен они получали шелк, нефрит, чай, зерновые и др. [Chen, 1981: 38-53; Шеффер, 1981: 578-585].

В эпоху раннего средневековья активными участниками торгово-экономических связей между Востоком и Западом были тюрки и уйгуры, которые вели интенсивную торговлю с китайцами

Таким образом, шелк перевозился в Европу через территории, населенные алтайскими народами. Поэтому еще с древности одним из главных наиболее прибыльных видов экономической деятельности алтайских народов были перевозка и торговля шелком. Поэтому европейцы называли их «серами» (Seres) – «людьми шелка», а их страну – Сериндией, т. е. слово «шелк» здесь послужило для образования этнонима. Есть мнение, что от этого же слова образованы этнонимы тӱрк (torku<surku<susku – «шелк») и тунгус (turqu +s), которые означали – «люди шелка» или «торговцы шелком» [Wang, 1993: 235, 246 – 247].

В средние века среди китайцев широкое распространение имел не согдийский, а тюркский язык и уже в VII веке, в Китае был составлен тюркско-китайский словарь «Tou-kiue-iuy»

Английское слово silk – «шелк» было заимствовано не непосредственно из китайского слова si/sei – «шелк», а через посредство алтайских языков, а именно древнемонгольского или древнетунгусского языков, в которых это слово употреблялось в форме sirke [Wang, 1993: 225-248]. Между тем в согдийском языке для обозначения шелка употреблялось совсем другое слово – pr'ynk' (paring) [Gharib, 1995: 281].

Отсутствие каких-либо упоминаний о существовании в Китае согдийско-китайского словаря указывает на то, что языком межнационального общения между согдийцами и китайцами был именно тюркский.

В средние века среди китайцев широкое распространение имел не согдийский, а тюркский язык и уже в VII веке в Китае был составлен тюркско-китайский словарь «Tou-kiue-iuy» («Тюркская речь»), доступный серьезным ученым [Шеффер, 1981: 48]. Отсутствие каких-либо упоминаний о существовании в Китае согдийско-китайского словаря указывает на то, что языком межнационального общения между согдийцами и китайцами был именно тюркский.

Все эти замечания имеют общий характер и больше относятся согдологии в целом. Что касается автора, то он отлично справился с поставленной перед ним конкретной задачей, создал подробную и ясную картину о жизни и деятельности согдийцев в Китае в период с III по X века н.э.

Использованная литература:

1. Абдувалиев И. О происхождении некоторых конноспортивных терминов в киргизском языке // Вопросы тюркского языкознания. Алма-Ата, 1985. С. 35-40.

2. Ахунов Н.О. Этнонимы – важный исторический источник // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XIX вв. Ташкент, 1987. С. 85-98.

3. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9 томах. Т. 2 (1). М.: Наука, 1963. С. 169-433.

4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

5. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии, вып. 2. Фрунзе: Илим, 1982.

6. Древнетюркский словарь. Под ред. В.М.Наделяева, Д.М.Насилова, Э.Р.Тенишева и А.М.Щербака. Л.: Наука, ЛО, 1969.

7. Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII-X вв. Танхуйяо) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 93-140.

8. Абу-л-Фарадж ал-Исфахани. Ал-Агани / Изд. Мухаммада Афанди. В 21 томе. Миср, 1905.

9. Камолиддин Ш.С. Комментарий к статье Ли Цзиньсю «Ши Хедан 史訶耽 и администрация лошадей ранней династии Тан» // Согдийский сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Ш.С.Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2019. С.76-90.

10. Кляшторный С.Г. Роль согдийцев в экономической жизни тюркского и уйгурского каганатов (VII-IX вв.) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1973. С. 19-22.

11. Кляшторный С.Г. Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // СНВ, вып. 10. М., 1971. С. 121-146.

12. Козенкова В.И. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии // СА, 1961, № 3. С. 250-260.

13. Маҳмуд Кошғарий. Девону луғотит турк. Туркий сўзлар девони /Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М.Муталлибов. 3 томлик. Тошкент: Фан, 1960-1963.

14. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1977. С. 28-52.

15. Кызласов Л.Р. Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских

народов (язык, письменность, религия) // Вестник Московского университета, сер. 8. История. 2004, № 3. С. 5-20.

16. Ли Цзиньсю. Лапаротомия An Jinzang: медицинские связи между Востоком и Западом в период династии Tang//Согдийский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Ш.С.Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2018. С. 5-24.

17. Ли Цзиньсю. Ши Хедан史訶耽и администрация лошадей ранней династии Тан// Согдийский сборник. Вып. 6 / Отв. ред. Ш.С.Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2019. С. 5-36.

18. Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976. С. 49-65.

19.Маршак Б.И., Распопова В.И. Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.416-426.

20. Неразик Е.Е., Раппопорт Ю.А. Куюкала в 1956 г. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции 1954-1956 гг. М., 1959. С. 128-142.

21. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука СО, 1990.

22. Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана // Тр. ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949. С. 57-77.

23. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука ЛО, 1973.

24. Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юйцзи) / Введение, перевод с китайского и комментарий Н.В.Александровой. М.: Восточная литература, 2012.

25. Тер-Мкртичян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии. VII-XVIII вв. М.: Наука, 1985.

26. Трубачев О.Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология. 1986-1990. Сборник научных трудов. М.: Наука, 1993. С. 12-27.

27. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана. Фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1991.

28. Ходжаев А. Термин сугд в китайских источниках// Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Вып.1 / Отв. ред. Ш.С.Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2016. С. 181-190.

29. Ходжаев А. Сведения китайских источников о выходцах из Согда в Китае (в древности и раннем средневековье) // Согдийский сборник. Вып. 7 / Отв. ред. Ш.С.Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2020. С. 19-34.

30. Хўжаев А. Буюк Ипак йўлида ипак матолар ва от савдолари // Шарқшунослик, № 11. Тошкент: Фан, 2002. С. 110-119.

31. Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // СНВ, вып. 10. М.: Наука, 1971. С. 147-153.

32. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан / Пер. с англ. М.: Наука, 1981.

33. Ching-Lung Chen. Trading activities of the Turkic peoples in China // CAJ, vol. 25, 1981, p. 38-53.

34. Gharib B. Sogdian Dictionary. Sogdian-Persian-English. Tehran: Farhangan Publications, 1995.

35. Krippes K. Sociolinguistic Notes on the Turcification of the Sogdians // CAJ, vol. 35 (1991), p. 67-80.

36. Joo-Yup Lee, Shuntu Kuang. A Comparative Analysis of Chinese Historical Sources and Y-DNA Studies with regard to the Early and Medieval Turkic Peoples // Inner Asia 19 (2017), p. 197-239.

37. Penglin Wang. On the ethymology of English silk: a case study of IE and Altaic contact // CAJ, vol. 37, 1993, p. 225-248.

Шамсиддин Камолиддин – тарих фанлари доктори, профессор.

«Сўгдийларнинг ўрта аср Хитойидаги ҳаёти» («Life of the Sogdians in Medieval China»). Немис олими Мориц Хубернинг 2020 йилда нашр этилган ушбу китоби кўплаб олимлар томонидан Буюк ипак йўли тарихига оид кейинги йиллардаги энг салмоқли тадқиқотлардан бири деб эътироф этилган. Шубҳасиз, бу монографик асар. Муқаддимада муаллиф Хитойда олий таълим олиб, Ипак йўли тарихи, динлар тарихи, Хитой санъати ва археологияси тарихи бўйича махсус машғулотларга ҳам қатнашгани натижаси ўлароқ Хитойда турли сабабларга кўра ўрнашиб қолган сўгдийларнинг таржимаи ҳолини ўрганишга қарор қилганини ёзади. Кейинчалик унинг барча тадқиқотлари диссертация ишининг асосини ташкил этди. Мориц Хубер деярли синчковлик билан Хитойдаги сўгдлар тарихи ва маданиятини ўрганишга ҳаракат қилган. Монографияда биринчи марта Хитой манбалари ва эпиграфик ёдгорликлардаги мавжуд маълумотларнинг бутун мажмуаси археологик тадқиқотларга таянган ҳолда ўрганилган. ■